

- 53 Чаньшев А. Н. На заре Московского университета // Московский университет. 2004. Октябрь.
- 54 По свидетельству студентов, учившихся с его дочерью Ингой на биолого-почвенном факультете, диспут был спровоцирован Полетаевым и не являлся чьим-либо планом, но затем был ловко подхвачен всеми, в том числе и комсомолом, и получил широкую огласку и обсуждение.
- 55 ЦАОПИМ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 997. Л. 20.
- 56 В протоколе заседания парткома МГУ от 31 октября 1956 г. значится другая дата проведения диспута – 28 октября (См.: Там же. Д. 633. Л. 8).
- 57 Из интервью с В. Я. Завертайло от 15 февраля 2007 г.
- 58 Н. Погодин работал в это время над пьесой о жизни студентов «Маленькая студентка». Поставлена она была в Театре Эстрады в 1958 г. А на физическом факультете МГУ в это время училась дочь драматурга, Т. Стукалова-Погодина.
- 59 Из интервью с В. Я. Завертайло от 15 февраля 2007 г.
- 60 РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 46. Д. 192. Л. 196.
- 61 Там же.
- 62 Там же. Л. 197. Необходимо отметить, что на филологическом факультете 7–8 декабря 1956 г. прошла своя дискуссия по социалистическому реализму, которую открыл зав. кафедрой советской литературы А. И. Метченко. Формой дискуссии была выбрана конференция IV курса с приглашением студентов других курсов филфака.
- 63 Там же.
- 64 Из интервью с В. Я. Завертайло от 15 февраля 2007 г.
- 65 Был арестован, дальнейшая судьба неизвестна. Вместе с Красновым в отчетном докладе секретаря партбюро физфака А. А. Семенова 14 ноября 1957 г. упоминается также арестованный за антисоветскую агитацию среди студентов и сотрудников университета Д. И. Сотников, работавший радиотехником на физфаке. (ЦАОПИМ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 710. Л. 4). О Д. И. Сотникове см.: 58-10. Надзорные производства... С. 273.
- 66 58-10. Надзорные производства... С. 287–288.
- 67 ЦАОПИМ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 650. Л. 27.
- 68 Там же. Л. 26.
- 69 Там же. Л. 5.
- 70 Доклад партийного бюро физического факультета МГУ «Об идейно-воспитательной работе среди молодежи» на партийном собрании физического факультета МГУ 13 декабря 1956 г. // Там же. Л. 26.
- 71 Там же. Л. 27.
- 72 Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 1. С. 166.
- 73 Бовин А. Е. XX век как жизнь. М., 2003. С. 54.
- 74 Документы Центрального Комитета ВЛКСМ по работе среди студенческой молодежи (1918–1967 гг.). М., 1967. С. 154.

А. А. Фокин
Челябинск

«Кормушка» и «Коммуна»: варианты восприятия населением коммунизма (по материалам «всенародного обсуждения» III Программы КПСС)

В октябре 1961 г. прошел XXII съезд КПСС, на котором была принята III Программа КПСС, провозгласившая, что в течение 20 лет в Советском Союзе будет построен коммунизм. В новой Программе партии были поставлены задачи, выполнение которых являлось необходимым для построения коммунизма. Тем самым обозначалось представление о коммунизме в официальной идеологии.

Целью данной статьи является сравнение двух распространенных на рубеже 50–60-х гг. XX в. типов рецепции коммунистических перспектив. В качестве источниковой базы выступают письма, присланные в разные инстанции в ходе «всенародного обсуждения» Программы партии, которые хранятся в РГАСПИ. В современной историографии изучению этого вопроса уделяется крайне мало внимания. Основными темами исследования хрущевского периода остаются доклад на XX съезде о культе личности И. В. Сталина и Карибский кризис. Однако, как нам представляется, именно «развернутое строительство коммунизма» было апофеозом хрущевского десятилетия, поскольку в нем соединились основные начинания того периода. Исследование восприятия «светлого будущего» необходимо для того, чтобы история не была только политическим и экономическим нарративом, ведь, исключая из событий население, мы тем самым представляем его как послушного выразителя воли власти. А население выступает как активный участник, поскольку даже «безмолвие» и «бездействие» населения могут играть существенную роль в жизни страны.

Если официальный дискурс о коммунизме должен был быть единым, дабы люди точно знали, куда и как двигаться, то у населения так и не сложилось однозначного понимания коммунизма, и поэтому в данной работе мы будем говорить о коммунизмах. Имеющиеся источники позволяют сделать ряд обобщений, выделить несколько общих моментов и на этом основании охарактеризовать основные варианты понимания населением коммунизма на рубеже 1950–1960-х гг. Для большего удобства в начале статьи представим общую классификацию «народных» образов коммунизма.

Несколько упрощая, что неизбежно при любой попытке упорядочить материал, можно констатировать, что население к коммунистическим перспективам Программы партии относилось либо положительно, либо скептически. Некорректно говорить, как поступают некоторые авторы, что население верило или не верило в обещание построить коммунизм в течение 20 лет. Сводить все к одному мнению неправомерно, поскольку источники позволяют проследить и положительное, и скептическое отношение населения к обещанному коммунизму.

Для данного исследования особый интерес представляет положительное отношение к коммунизму, поскольку в этом случае население должно было формировать свой образ будущего либо используя официальную модель, либо предлагая свою альтернативу. Положительное отношение также можно разделить на две большие группы. Первая представлена «аскетическим» коммунизмом «энтузиастов», готовых строить его, «не щадя живота своего», коммунизма, в котором все будут находиться в равных условиях. Их идеалом является идея коммуны с ее уравнительными тенденциями в духе булгаковского героя из «Собачьего сердца». Уравнительные тенденции официальным дискурсом всячески отрицались, поскольку были связаны с разнообразными утопиями. Но применительно к населению рубежа 1950–1960-х гг. это скорее рецидивы крестьянского сознания с его общинными традициями.

Вторая группа воспринимала коммунизм потребительски, видя в нем «кормушку», к которой можно было припасть и насладиться благами. Причем, чем ближе был обещанный срок завершения строительства коммунизма, тем больше и больше должна была это кормушка наполняться.

«Потребительский» коммунизм в своем стремлении к бесплатным благам тоже был не однороден. Одни хотели удовлетворить индивидуальные потребности, другие же ожидали благ для всех жителей страны. Но и в том, и в другом случае коммунизм выступает своеобразным символом, обращение к которому автоматически приводит к решению насущных проблем. В таком понимании коммунизм предстает как общество, где будут решены основные проблемы.

Можно обнаружить и гендерные различия в наполнении образа коммунизма. Если мужской вариант выражается, прежде всего, в образе героя-космонавта как прототипа человека будущего, то женский коммунизм выражен гораздо ярче. Связано это в первую очередь с тем, что в отличие от мужчин у женщин было больше специфических проблем, а значит — коммунизм должен был решить больше задач, что, естественно, приводит к лучшей разработке образа.

«Скептический коммунизм» также создает образ «светлого будущего»: в анекдотах можно обнаружить описание жизни в будущем. Однако, в отличие от позитивного отношения к коммунизму, «скептический» образ анекдотов завуалировано высмеивал настоящее, а значит, и возможность построения коммунизма.

«Скептический» образ коммунизма являлся образом для «внутреннего» пользования, который не должен был выходить за пределы народного дискурса и не вступать в контакт с официальным представлением о «светлом будущем», а отталкиваться от него для его же высмеивания. «Позитивное» отношение, напротив, изначально предполагало наличие официальных коммунистических перспектив, на основании которых можно было вести диалог с властью, используя идею коммунизма как медиатора.

Фактом, подтверждающим существование образа коммунизма или, точнее, нескольких его образов среди населения СССР, может служить обсуждение проекта Программы партии. Данная акция могла преследовать множество разнообразных задач, одной из которых выступала попытка проявить и использовать продукты коммунистических «фантазий» народонаселения. Так, например, И. А. Резник из Днепропетровска в ходе всенародного обсуждения предоставил целую работу на 119 страницах «Коммунистическое общество и Программа КПСС»¹. К сожалению, отыскать этот, как представляется, очень интересный документ не удалось, так же как и присланные Ф. Шаховым и тов. Сирадзе собственные готовые тексты новой Программы партии. Составлены они были еще до опубликования в печати проекта III Программы КПСС, одобренного Пленумом ЦК КПСС². Без сомнения, не имея представлений о перспективах строительства коммунизма в СССР, написать развернутый текст, выходящий за рамки жалоб или обычной риторики, было невозможно.

Источниками реконструкции образа коммунистического будущего в сознании населения Советского Союза рубежа 1950–1960-х гг. могут выступать: 1) письма, направленные в различные инстанции; 2) устное народное творчество. Однако при работе с этими источниками необходимо принимать во внимание то, что они в значительной степени нагружены коннотациями. При общении с властью происходила имитация мнения, которое было выгодно как власти, так и отправителю. Это достигалось использованием «ритуальных» и стереотипных приемов в данной политической культуре. Устное народное творчество, представленное в виде анекдотов, частушек, загадок, в своем содержательном аспек-

те подчинено жанровым особенностям. Непременное наличие юмора, который зачастую строился на сарказме и сатире, изначально не предполагало положительного отношения к выдвигаемым официальным дискурсом положениям о коммунизме. Таким образом, получается, что с одной стороны находятся тексты, подверженные «показному» оптимизму, с другой — те источники, над которыми довлел жанровый скептицизм.

Изначальное различие внутреннего характера источников предполагает наличие по крайней мере двух образов коммунизма в сознании населения. Довлеющему на рубеже 1950—1960-х гг. официальному представлению о коммунизме как о «светлом будущем», которое в ближайшем времени должно воплотиться в реальности, противостояло мнение, ставшее доминирующим после развала СССР, наиболее лаконично выраженное в анекдоте «самый короткий анекдот: коммунизм». Представляется, что такая дифференциация не исчерпывает весь комплекс бытовавших в сознании населения коммунистических перспектив. «Оптимистический» и «скептический» взгляды на коммунизм, в силу наличия различных групп в советском обществе, должны распадаться на дробные образы. Культурный капитал и мировоззрение партийного интеллигента отличались от мировоззрения беспартийного крестьянина, а значит, рецепция образа коммунизма, предлагаемого официальным дискурсом, у них должна была проходить по-разному.

Четкое привязывание различных образов «светлого будущего» к конкретным социальным или профессиональным группам не представляется продуктивным, поскольку один и тот же человек мог днем, на работе, активно прославлять курс партии по строительству коммунизма и писать письма, в которых обещал взять повышенные обязательства, а вечером, на кухне, рассказывать антикоммунистические анекдоты. В то же время обычный политически малограмотный деревенский житель мог искренне верить в скорое пришествие «земного рая». Таким образом, при анализе коммунистических образов, характерных для советского населения, следует выявлять общие и часто повторяющиеся моменты, затем на их основе реконструировать коммунистические ожидания населения СССР рубежа 1950—1960-х гг. Естественно, необходимо осознавать, что таким образом создается модель, где разрабатывается один аспект объекта изучения, необходимый исследователю, а значит, должен учитываться субъективный фактор. Нельзя впасть в иллюзию возможности достоверной реконструкции, скорее, необходимо говорить о создании некоей усредненной модели сознания человека исследуемой эпохи. Такая реконструкция, при отсутствии рефлексии со стороны историка, больше скажет об исследователе, чем об исследуемой теме.

В литературе можно выделить две тенденции в характеристике отношения населения к коммунизму. Ф. Бурлацкий пишет, что «новая Программа КПСС была встречена с энтузиазмом во всей партии и в народе, с надеждой и верой в то, что в короткие исторические сроки удастся добиться крупнейших результатов в экономическом и социальном развитии страны, радикально поднять уровень народного благосостояния. В этом были уверены, кажется, все»³. Этому мнению противостоит позиция других современников — П. Вайля и А. Гениса: «В самом прямом смысле в конкретные цифры Программы никто не поверил <...> Надо отдавать себе отчет в том, что никто и не заблуждался насчет построения коммунизма в 20 лет. Любой мог выглянуть в окно и убедиться в том, что пока все на

месте: разбитая мостовая, очередь за картошкой, алкаши у пивной. И даже ортодокс понимал, что пейзаж не изменится радикально за два десятилетия»⁴. Обе точки зрения представляются равнозначными и имеющими право на существование, поскольку на рубеже 1950–1960-х гг. они не противостояли друг другу, а существовали параллельно. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов субъективный фактор в оценке эпохи: Ф. Бурлацкий как один из авторов III Программы КПСС должен был испытывать определенную гордость за свой труд, в отличие от эмигрантов П. Вайля и А. Гениса. Таким образом, важное значение здесь имеет не столько действительность, сколько та точка зрения, которую избирает наблюдатель.

Советская жизнь предоставляла достаточный материал как для оптимизма, так и для скептицизма. Практически любой автор, обращающийся к 1950–1960-м гг., отмечает, что в советской действительности происходили существенные изменения в лучшую сторону. В июне 1956 г. была введена новая система пенсионного обеспечения, увеличившая размер пенсии. К тому же был введен один из самых низких в мире пенсионных цензов: для мужчин — 60 лет, при стаже работы в 25 лет, для женщин 55 лет, при стаже в 20 лет. Исключительное значение имело то, что впервые в стране устанавливалось государственное пенсионное обеспечение для колхозников⁵. 1961-й, год принятия новой Программы партии, начался с денежной реформы, в 10 раз укрупнившей рубль. Рост среднемесячной номинальной заработной платы рабочих и служащих составил за 10 лет практически 50 %: с 679 руб. в 1953 г. и до 98 руб. 50 коп. (985 руб.) в 1964 г. Возросло потребление мяса, молока, рыбы⁶. Успехи Советского Союза венчались полетом Ю. А. Гагарина в космос. Все это подготавливало почву для оптимистичного восприятия положений Программы партии.

Вместе с тем в советской действительности было множество нелицеприятных моментов, постоянные столкновения с которыми в повседневной жизни мешали процессу слияния с коммунистической «утопией». Об этих проблемах активно писал «Крокодил», но любой советский человек и без журнала знал, что недостатков в советском обществе еще предостаточно. Простые люди на себе ощущали, особенно после кризисных явлений первой половины 1960-х гг., невыполнимость поставленных задач. Данный факт можно проиллюстрировать письмами в редакцию журнала «Коммунист»: «Как можно требовать от советских людей какой-то социалистической идеологии, когда социализм не дал реального обеспечения для развития человеческой личности <...> Возьмем не вашу государственную статистику, а возьмем реальную жизнь советских людей в массе. Возьмем “конкретную экономику” советских людей, возьмем в массе советскую интеллигенцию: инженеров, врачей, учителей и т. д. Ведь это сплошная нищета»⁷.

В другом анонимном письме писалось, «часто по радио болтают, что у нас подходят к коммунизму, да подохнем до коммунизма. У Вас, конечно, коммунизм, ну а у нас голодизм и дороговизм»⁸. Подобный скептицизм бытовал не только среди обычных людей, но и среди партийно-государственных деятелей. Так, А. Т. Твардовский записал от публики в санатории «Барвиха» такие воспоминания: «Живут люди под одной крышей, здороваются, встречаются в столовой, в кино, на прогулках — люди больные и здоровые, но люди не рядовые, руководящие, видные партийные. И никогда не произносят слова “коммунизм” иначе, чем в шутку, — по поводу бесплатного бритья в парикмахерской и т. п.»⁹.

Параллельное сосуществование двух отношений к обещанному коммунистическому обществу, порожденное столкновением коммунистического идеала с действительностью, будило у носителя этого идеала стремление поскорее переделать эту действительность¹⁰. «Минусы» советской действительности самим своим существованием призывали к собственному уничтожению и к созданию общества без недостатков, а «плюсы» подтверждали верность выбранного курса, который уже сейчас начинал давать позитивный результат. И то, и другое могло стимулировать население на активное участие в решении поставленных Программой задач.

Ю. В. Аксютин провел интересное социологическое исследование, в ходе которого попытался выяснить отношение населения СССР к хрущевскому периоду и, в частности, к коммунистическому проекту. Два опроса проходили в 1998 и 1999 гг. Было задано два вопроса. Первый:

Таблица 1¹¹

«Как вы вообще тогда относились к идее создания общества всеобщего равенства и благоденствия?»

Ответ	1998 г.	1999 г.
Верили в коммунизм	51,0 %	53,0 %
Сомневались	5,5 %	2,0 %
Не верили	18,5 %	16,0 %
Не задумывались	2,5 %	2,0 %
Нет ответа	17,0 %	17,5 %

Тем, кто положительно ответил на первый вопрос, задавался следующий:

Таблица 2¹²

«Верили ли вы обещанию построить коммунизм через 20 лет, т. е. к 1980 г.?»

Ответ	1998 г.	1999 г.
Верили	37,0 %	37,0 %
Сомневались	5,0 %	5,0 %
Не верили	26,0 %	39,0 %
Затруднились с ответом	1,0 %	2,0 %
Нет ответа	7,5 %	3,0 %

Согласно материалам опросов, число веривших в коммунизм вообще (51–53 %) в три раза превышало число не веривших (18,5–16 %), однако, провозглашенные на XXII съезде КПСС сроки его построения показались достижимыми только 35–37 %. Несмотря на прошествие определенного количества лет, в результате сравнения с комплексом письменных источников, результаты исследования могут быть признаны достоверными, следовательно, уверенность в неизбежности прихода к коммунизму уживалась со скепсисом по отношению к заявленным срокам.

Б. А. Грушин на основании собственных исследований общественного мнения 1960-х гг. выделяет по отношению к коммунизму 5 групп населения: 1) люди, осознававшие себя активными строителями коммунизма, искренне разделявшие

принципы этого движения и стремившиеся реализовать их на практике; 2) люди, осознававшие себя активными строителями коммунизма и хотя и не участвовавшие по тем или иным (преимущественно объективным) причинам в строительстве коммунизма, тем не менее активно поддерживавшие его принципы, испытывавшие к ним явный позитивный интерес; 3) люди, не ставившие под сомнение общую идею развития советского общества по направлению к коммунизму, более того, готовые активно участвовать в этом процессе, но не разделявшие принципов обсуждаемого движения, стоявшие в оппозиции (явной или скрытой) по отношению к нему, полагавшие, что у движения нет ни настоящего, ни будущего; 4) люди, участвовавшие в движении либо поддерживавшие его, однако делавшие и то, и другое (в силу определенных политических, идеологических причин либо из соображений выгоды, стремления быть как все и т. д.) лишь формально, на словах, без сколько-нибудь искреннего желания строить коммунизм; 5) люди, стоявшие полностью в стороне от обсуждаемой проблематики — как правило, вовсе не верившие в победу коммунизма и, уж во всяком случае, не осознававшие себя участниками «коммунистического строительства»¹³.

Позитивное отношение к коммунизму в различных группах советского общества также было связано с возможностью творчески переработать образы официального дискурса. Этим могли заниматься не только писатели и публицисты, но и любой советский человек. Практически каждый мог найти в глобальном коммунизме свой отдельный кусочек «светлого будущего». Определенную роль в процессе «уверования» в коммунизм могла сыграть потребность человека в некоем идеале, мечте, надежде на лучшее, которую можно было противопоставить действительности. Как отметила Г. Н. Шербакова, «в хорошую жизнь в будущем верили, а как она будет называться — коммунизм или нет — для нас было не важно»¹⁴. В существовании множества разноплановых образов коммунизма можно видеть одно из объяснений стремления власти придать импульсу строительства коммунизма единообразию и унификацию.

К тому же вера в «коммунистическое завтра», о которой люди заявляли как в 1960-е, так и в 1990-е гг. (что было выявлено в ходе социологического исследования), еще не определяла внутреннего содержания объекта веры. В «Крокодиле» приводилось высказывание одного человека о предстоящей жизни в коммунистическом обществе: «Вот это будет житуха! <...> Поди проверь, какие у меня способности. Скажу, что у меня их кот наплакал, и буду работать вполсилы! А по потребностям мне подай»¹⁵.

Потребительское отношение к коммунизму, с которым нещадно пытались бороться всеми возможными способами, базировалось как на психологии отдельной личности, так и на мифологизации коммунистических перспектив. Процесс мифологизации начался еще в первые годы советской власти и заложил основы для дальнейшего восприятия официальных постулатов. В результате преобразования идеологием ленинизма в крестьянском сознании складывался псевдорелигиозный тип миропонимания, в котором образы будущего выступали в языковых значениях традиционно христианской и марксистской терминологии. Марксистская терминология осваивалась в традиционно христианских смыслах. Образовывался ряд, в котором «социализм», «коммунизм» и «рай» оказывались синонимами. Тема «Коммунизм — рай земной», «Царство Божие на земле» была одним из часто употребляемых в прямом, а также метафориче-

ском и неявном виде комплексов-индикаторов, зафиксированных в письмах крестьян¹⁶. Сравнивая содержание писем крестьян 1920-х гг. и корреспонденцию, полученную в результате всенародного обсуждения проекта Программы партии, можно обнаружить множество совпадений. Так, изучая построения «народного теоретика» В. А. Вавилина, Н. Е. Шаповалова приходит к выводу, что даже при самом поверхностном прочтении в образах «светлого будущего» и путях его достижения обнаруживаются идеи, близкие тем характеристикам коммунизма, которые сформулированы в III Программе КПСС. Смысловая близость столь разных документов, по мнению исследователя, объясняется отнюдь не глубоким предвидением крестьянского теоретика, а содержанием и формой «утопического» проектирования, что подтверждается массовыми представлениями о мировой революции и ее результатах как продуктах мифологического сознания¹⁷.

Описание обращения населения к коммунистическому будущему как средству управления настоящим развивает теоретические построения М. А. Барга. Он, в первую очередь, рассматривал проблему исторического сознания в историографии, но представляется, что его идеи могут иметь более широкое применение. Для понимания советского дискурса представляется особо важным, что происходило совмещение трех времен в едином социальном конструкте. М. А. Барг в своей работе писал: «Общественный индивид в состоянии жить, смотря вперед, только в том случае, если его мысль оглядывается назад»¹⁸.

Будущее конструируется из элементов личного или социально усвоенного опыта. Человек как элемент социума одновременно является субъектом и объектом формирования социальной памяти, которая является хранителем социального прошлого. Сконструированное на основании прошлого представление о будущем является для настоящего эталоном, определяющим модусы поведения человека. Движение в будущее рассматривается как развитие положительных черт современности, приводящих к построению идеальной системы. Социальная память, как и природная, обладает способностью избирательно забывать некоторые факты прошлого. Потребности настоящего влияют на выбор элементов пережитого опыта, определяя образ социального прошлого. Все три времени оказываются взаимосвязаны.

Несмотря на то, что в построение коммунизма к 1980 г. верили не все граждане СССР, это не мешало им желать совершить как можно более быстрый рывок в «светлое будущее». Даже если совсем не верить в возможность завершения коммунистического строительства, то стремиться к коммунистическому изобилию можно. По словам Т. П. Кищенко, в 1960-х гг. «вера в лучшую жизнь вовсе не означала веру в коммунизм»¹⁹. Понятный обычному человеку «потребительский коммунизм», как показывают письма и активная борьба с ним со стороны официального дискурса, был одним из самых распространенных вариантов «светлого будущего». Выше отмечалось, что для населения самым популярным и распространенным был момент, выраженный в лозунге, который в сознании большей части людей связывался с коммунизмом, — «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Поэтому Ю. М. Тихомиров своим письмом пытался закрепить в Программе партии следующее определение: коммунизм — это общество, где человек «волен работать или не работать вовсе»²⁰. Стремление к распределению по потребностям порождало у некоторых граждан нетерпение. Особенно это хорошо прослеживается в письмах людей пожилого возраста

та, которые говорили, что они, к сожалению, не смогут дожить до коммунизма и поэтому хотели уже во время своей жизни посмотреть на жизнь в будущем и насладиться коммунистическим изобилием. Так, группа участников Гражданской войны и революционного подполья на основании своих былых заслуг перед Родиной предлагала предусмотреть в Программе льготы для себя: «бесплатное жилье, бесплатный проезд на всех видах городского транспорта, лечение в санаториях»²¹. Некто Н. Князев писал: «Очень хорошо, что молодежь будет жить при коммунизме. Но людям старым, участникам революции, следует тоже дать это почувствовать — надо сейчас установить единую для всех пенсию по старости, освободить от платы за воду, свет, баню, кино и за проезд по городу»²².

Некоторые люди предлагали уже в 1960-х гг. перейти к бесплатному снабжению населения товарами первой необходимости — дешевым хлебом, спичками, солью и т. п.²³

Официальный дискурс о коммунизме требовал от населения напряжения усилий и некоторых лишений, которые окупятся в будущем, а «потребительский коммунизм», наоборот, настаивал на том, что с построением социализма основные трудности в развитии уже преодолены и можно пользоваться плодами своего или чужого труда. Н. А. Чальян предлагал: «По мере достижения изобилия того или иного продукта переходить к его бесплатному распределению по потребностям»²⁴. К тому же, после опубликования проекта и его принятия XXII съездом КПСС по сути начинался обратный отсчет времени до наступления коммунизма, а значит, с каждым днем и часом коммунизм становился все ближе и ближе.

Необходимо подчеркнуть, что причина существования «потребительского коммунизма» заключается в его крайней доступности и понятности. Нормальный человек извлекал из текста Программы партии моменты, которые были для него близки и понятны. Современники отмечали, что для населения Советского Союза самыми впечатляющими положениями Программы партии были отнюдь не самые важные с точки зрения авторов. Все говорили о том, что будет бесплатный транспорт, бесплатные коммунальные услуги, бесплатные заводские столовые, а не о дальнейшем развитии принципов социалистической демократии. Данный факт объясняется тем, что Программу партии читали как художественный текст, в котором конкретные и вытнанные детали брали на себя функцию пересказа²⁵.

Тот факт, что советское население хотело знать свое будущее, и знать его как можно точнее, демонстрируют многие письма. Комсомолец А. Игошин еще в 1926 г. обращался к И. В. Сталину с просьбой, чтобы тот написал ему, как лучше понять и представить себе коммунистическое общество. В письме был обозначен мотив обращения к И. В. Сталину: «Вы дадите нам оружие, которое поможет разогнать всю муть и увидеть во всей наготе коммунистическое общество, которое идет или нет?»²⁶. В 1960-х гг. поступали аналогичные просьбы: уже не в ответном письме, а в тексте Программы партии предлагали дать более детальное описание коммунистического общественного устройства и общежития²⁷. Помимо общей конкретизации коммунистического общества целиком, поступало значительное количество писем с просьбой уточнить частные вопросы коммунистического образа жизни. Следовательно, можно выявить еще одну бинарную оппозицию в рецепции образа коммунизма. Размытость официального дискурса подвигала часть людей на творческую активность, дабы своими силами более четко очер-

тить «светлое будущее» и создать на базе официального свой собственный образ коммунизма. По этому поводу комиссия, занимавшаяся обобщением поступивших писем, сделала следующее заключение: «Авторы некоторых писем на многих страницах формулируют свои, отличные от содержащихся в проекте, теоретические положения и предлагают даже целые разделы проекта Программы в собственных редакциях. Предлагаемые ими формулировки в большинстве случаев идут вразрез с основами марксистско-ленинского учения и свидетельствуют о недостаточной теоретической подготовке их авторов»²⁸.

Другая часть населения была вынуждена находиться в рамках расплывчатого образа коммунизма и обращением к власти пыталась обозначить будущее, которое определяло поведение в настоящем. Неопределенность с коммунизмом и его трактовкой населением была частично порождена официальным дискурсом и его противоречивостью. В письме В. Е. Виноградова описывается случай, произошедший в парторганизации г. Измаила, когда там обсуждался проект Программы партии и Устав КПСС. Один из коммунистов внес в проекты несколько незначительных поправок. Другой коммунист заклеил эти поправки как «вражеский наскок на линию партии, как бухаринщину». В ответ коммунист, вносивший поправки, назвал «врагом коммунизма» того «бдительного» товарища. В обоих случаях оппоненты ссылались на Устав КПСС, только на разные пункты. В заключение автор письма задается вопросом: «Вот и разберись, — кто враг коммунизма, а кто — друг»²⁹. Трудность восприятия официального образа побуждала некоторых людей обращаться с предложением более понятно изложить основные идеи Программы партии. Так, например, предлагали для большей наглядности, лучшего восприятия и доступности снять кинофильм в 4-х сериях «Программа КПСС»³⁰. Вносилось предложение о введении курса научного коммунизма в высших учебных заведениях³¹. Другие граждане, отмечая, что текст Программы партии рассчитан на сравнительно подготовленного читателя, считали абсолютно необходимым издать краткое популярное изложение проекта Программы партии для самого широкого круга читателя³², а Н. Н. Рипов предлагал выпустить коммунистические «молитвенники» и «евангелие» — популярные всеобъемлющие политобразовательные учебники для коммунистов и изучать их «как таблицу умножения»³³.

Имеющиеся источники позволяют провести разделение «светлого будущего» еще на два варианта: индивидуальный и общественный «потребительский коммунизм». В первом случае главными признавались личные потребности одного конкретного человека — автора послания. В сводке поступивших писем группа, в которой выделяется индивидуалистический вариант, охарактеризована следующим образом: «Имеются письма, появление которых обусловлено, видимо, личной неустроенностью, бытовыми трудностями, носящие по существу характер жалоб»³⁴. Зачастую личное неблагополучие авторов писем и их жалобы на свое положение в посланиях связывалось с коммунизмом. Примером может служить письмо О. Д. Гордова, где он, жалуясь на отсутствие в своем районе бани и прачечной, пишет: «Очевидно, через 20 лет, т. е. при коммунизме, люди вообще не будут мыться, если нас уже сейчас лишили этого элементарного гигиенического удобства»³⁵.

Таким образом, человек, обращаясь к официальным властям, апеллировал к коммунистическому будущему как к некому идеалу общественного устройства,

для того чтобы изменить свое настоящее. Помимо вполне обоснованных просьб по улучшению жилищных, продуктовых и других бытовых условий, попадают весьма курьезные послания, демонстрирующие крайнюю степень «индивидуалистического потребительского коммунизма». Некоторые трудящиеся интересовались, будут ли при коммунизме бани и нельзя ли в 1960-х гг. уже ввести бесплатное пользование ими³⁶. Н. Я. Прилепов из Риги в своем письме обращал внимание на необходимость по мере продвижения к коммунизму улучшать сбор сырья с населения, поскольку в 1960-х гг. «с населения принимаются только утильсырье, макулатура, металл и бутылки исправные, отечественные. Отечественные я называю потому, что другие бутылки из братских стран не принимаются, а их очень много у нас»³⁷.

«Общественный потребительский коммунизм» заключался в получении благ не только конкретным индивидом, но и всем обществом в целом. Н. И. Шершов предлагал в течение 5 лет обеспечить гражданам Советского Союза и приезжающим в Советский Союз выдачу хлеба стоимостью до 17 коп. за 1 кг бесплатно³⁸. А Б. Л. Кербер прямо указывает, что он представляет себе коммунистическое общество не как общественную формацию, в условиях которой можно будет кушать все, что хочешь, и в неограниченных количествах. Это, на его взгляд, наименее значимая сторона, «но вот возможность быстро связаться по телефону в любое время суток как по служебным, так и по личным вопросам — это одно из очень важных обстоятельств»³⁹. Собственно, такой вариант «потребительского коммунизма» в значительной степени пересекался с официальным образом и образами в редакции ряда медиаторов. Предполагалось, что свойственное всей коммунистической формации противоречие между постоянно растущими потребностями членов общества и достигнутым в каждый данный момент уровнем производства должно было составить могучий стимул развития общества по пути прогресса⁴⁰. Естественно, что для нормального взаимодействия официального и народного образов коммунизма «общественный потребительский» вариант не должен был выходить за определенные границы.

Наличие в трактовке населением коммунистических перспектив индивидуалистическо-потребительского варианта мешало достижению коммунизма не только согласно официальному дискурсу. Сами советские граждане указывали, что такое мировоззрение не позволит выполнить поставленные Программой партии задачи, а тем более в установленные сроки. Студент А. С. Вершинин в своем письме выражал сомнение в том, что «наше поколение будет жить при коммунизме, считал это невероятным, так как еще слишком низкий уровень сознания и общей культуры населения»⁴¹. Ю. В. Аксютин в своей работе приводит следующие высказывания советских людей: «С нашими людьми строить коммунизм нельзя», «С такими людьми коммунизм не построить», «Коммунизм — это когда народ сознательный, бескорыстный, патриот своей родины», «Ни фиги мы не построим, все прошьем», «С нашим народом нельзя коммунизм построить, надо перевоспитать сначала»⁴².

Частичное воплощение подразумевало постепенное внедрение коммунистического принципа распределения и его географическую локализованность: коммунизм в Советском Союзе предполагалось создавать первоначально не повсеместно, а в отдельных местах. В письмах имеются предложения приступить к строительству образцово-показательных предприятий и организовать широкое

распространение их опыта⁴³, а также «начать в виде эксперимента создание баз, районов и коллективов, где будут иметь место коммунистические отношения людей в производстве и в быту <...>, образовать на территории СССР опытные районы коммунизма с участием всех рас и всех классов нашей планеты, обеспечив эти районы всем необходимым»⁴⁴. И. Романов при определенных условиях брался «возглавить, построить и сформировать производственный коллектив тысяч на пять рабочих с коммунистическим укладом общественной жизни на базе одной из новостроек»⁴⁵.

Более четкое выражение идеи наглядного, но территориально ограниченного коммунистического образа жизни можно обнаружить в двух письмах. Тов. Заброда предлагал: «В течение ближайших пяти лет, т. е. с 1962 по 1966 год, построить в различных местах на территории союзных республик СССР — в каждой ССР по одному, — по типовым проектам, характеризующим национальные особенности архитектуры республики, пятнадцать образцово-показательных городов-коммун. Люди, работающие в этих городах, отбираются проверочной комиссией ЦК КПСС. С 1968 г. все остальные граждане СССР, а также туристы из-за границы могут знакомиться с условиями и порядками в этих городах-коммунах»⁴⁶.

Е. И. Тимошенко обратился в редакцию «Комсомольской правды» со следующим соображением: «Где-нибудь в Сибири, на берегу Лены или Енисея, построить коммунистический город-лабораторию по всем правилам коммунизма, во всем отличающийся от современных городов. В этом городе, по-моему, должны жить только люди, которые по своим моральным и душевным качествам вполне соответствуют требованиям этих правил и принципов. Нельзя допускать в этот город пьяниц и хулиганов, с тем чтобы там их воспитывать. В основном, жителями этого города должна быть молодежь, чтобы как можно резче отделиться от всего старого, к сожалению еще имеющегося в жизни нашего социалистического общества. А такие коммунистические люди, новые люди, у нас уже есть. Вот и собрать их в один город, а потом все будут туда ездить, смотреть на их жизнь и загораться желанием жить так»⁴⁷.

В приведенных отрывках из писем явно проступают черты классической утопии наподобие «Города Солнца». Оба варианта народной утопии преследовали дидактические цели, описывая воплощенный в жизнь коммунистический уклад, они наглядно демонстрировали, насколько лучше будет жить в будущем.

В значительной степени построение коммунизма воспринималось в непосредственной связи с развитием производственно-бытовых коммун. В редакцию журнала «Коммунист» поступали письма о том, что «коммунистическое общество в высшей фазе своего развития будет состоять из производственно-бытовых коммун. Коммуны являются основным звеном коммунистического общества, организации, посредством которой будет практически осуществлен коммунистический принцип “от каждого по способностям, каждому по потребностям”»⁴⁸. Е. А. Лиокумович в своей работе отмечает, что «коммунизм представлялся как жизнь в условиях всеобщего благоденствия, изобилия в братском единстве и без государственной власти. Это была утопия возврата к общине, что и было верным пониманием слова “коммуна”»⁴⁹.

Идею обобществления имущества и использования коммун как трамплина для прыжка в «светлое будущее» можно обнаружить не только в 1960-е гг., но и в первые годы советской власти, и даже в более ранний период в практике «уто-

пических социалистов», а также в сильной общинной традиции, характерной для народного сознания. Иногда стремление к равенству и стиранию всяческих различий приобретало на практике комические формы. Так, Ф. Панферов, посетивший в 1920-е гг. коммуну «Пролетарская воля» недалеко от Пятигорска, вспоминает, как захотел расспросить одну из коммунарок:

«— Как ее фамилия? — спрашиваю председателя.

— Фамилия? А у нас же частные фамилии ликвидированы. Единая у всех фамилия. Эта доярка Анна Пролетволя. Тут вон, на углу, Тихон Пролетволя. Я Николай Пролетволя. Так-то!»⁵⁰.

Создание изолированных от повседневной советской действительности поселений, обеспеченных всем необходимым, своеобразных анклавов справедливой жизни и всеобщего равенства, должно было предотвратить возможность морального падения кандидатов на роль «нового человека», одновременно, подобно линзе, фокусируя их стремления в одну точку.

Одним из главных положений в идее коммуны была справедливость, основанная на полном равенстве. Призывы к возрождению коммун, в которых отсутствует имущественное расслоение, и обращения к коммунистам отказаться в пользу общества от своего имущества, что тоже можно расценивать как некий вариант коммуны в масштабах целой страны, реализуют стремление населения к равенству и социальной справедливости.

Стремление к равенству и справедливости было обусловлено несоответствием образов, которые транслировала официальная власть, с образами, возникающими на основе восприятия населением окружающей обстановки. Например, С. Рудик, не обнаружив в проекте Программы партии прямого указания на отмену паспортной системы, спрашивал: «Неужели в коммунизм наши дети придут с паспортами и милицейскими прописками? Паспортная система, ограничивающая для советского гражданина право свободного выбора местожительства, никак не вяжется с тем новым отношением к труду, которое будет у человека в период коммунизма»⁵¹.

Нетерпение в ожидании обещанного «земного рая» не могло примириться с неустроенностью и бытовыми проблемами. Стремление к равенству как основе справедливого устройства общества, по материалам источников, в значительной степени основывалось на восприятии частью населения советской социальной системы как иерархической, где коммунисты и руководители занимают место на вершине. Многие противопоставляли простых тружеников руководству из числа коммунистов, паразитирующих на пролетариате, наживающих себе нечестным путем излишки благ, в то время как основная масса советских граждан зачастую испытывала дефицит основных продуктов. Б. И. Дунаевский предлагал выработать научно-обоснованные нормы, определяющие допустимый предел личной собственности, закрепить его специальным решением ЦК, ввести ответственность за превышение коммунистами этих норм, отменить закрытое распределение, которое распространяется и дает преимущества как раз наиболее обеспеченным категориям трудящихся⁵². С. И. Мажников выражает ту же мысль, отмечая существование в СССР некой «новой эксплуатации»⁵³. До этого бытовала народная расшифровка аббревиатуры ВКП(б) — всеобщее крепостное право (большевики). В свете этого можно понять авторов писем, предлагавших переименовать КПСС в ЛКПСС (Ленинская Коммунистическая Партия Совет-

ского Союза)⁵⁴, что подтверждает следующее предположение: образ В. И. Ленина неразрывно связывался с коммунистическим строительством и одновременно мог противопоставляться сталинской эпохе.

Призывы к созданию коммун и обобществлению имущества зиждились не только на восприятии коммунистов как «новых людей», для которых имущество уже неважно, но и на негативном отношении к разрыву в положении между различными группами населения при постоянном постулировании идей бесклассового общества, где преимущества даются только за личные заслуги. Если некоторые авторы писем предлагали коммунистам добровольно отказаться от своего имущества, то другие настаивали на изъятии⁵⁵. Наибольшее раздражение у населения вызывало такое имущество, которое в Советском Союзе воспринималось как особая роскошь: автомобили, дачи, частные дома, гаражи и т. п. В адрес различных организаций поступило более 100 предложений с идеями изъятия имущества. К. В. Белкин в своем послании указывал, что в проекте Программы «мало сказано о непомерной личной собственности, которая как палка в колесе коммунизма. Дачники, “садоводы”, владельцы автомашин подобны паразитам на здоровом теле строителей коммунизма. Они удлиняют путь к нему»⁵⁶. Некоторые авторы развивали данную мысль, дополняя ее не только предложением одномоментного изъятия, но и запретом на дальнейшую продажу автомобилей, и изданием закона, запрещающего иметь собственные дома и сдавать жилье внаем⁵⁷. Особое неприятие вызывали люди, которые получали нетрудовые доходы от сдачи своих домов на юге в курортный сезон, поскольку они одновременно были и частновладельцами, и спекулянтами. Получение доходов нетрудовым путем отдельными гражданами, в то время как остальные прикладывали значительные усилия не только для строительства коммунизма, но и для собственного благополучия, также вызывало недовольство. Поэтому население жаждало справедливости и в финансовом вопросе. Поступали предложения проверить источники доходов всех вкладчиков в сберегательных кассах, и «деньги, нажитые нечестным путем, передать государству для использования на строительство коммунизма»⁵⁸, а в будущем постепенно заменить наличные деньги «именными лимитными книжками»⁵⁹.

Всех тех, кого на своих страницах высмеивал «Крокодил», простой человек видел в своей жизни. И неприятие к людям, имеющим благосостояние, выливалось, в соответствии с коммунистическими идеями уравниательства, в ожидание экспроприации в духе первых лет советской власти. Многие трудящиеся спрашивали, почему бы не ограничить уровень зарплаты высокооплачиваемых работников и за этот счет повесить ее у низкооплачиваемых⁶⁰. Все то богатство, которое производило народное хозяйство СССР, должно было оседать где-то, если оно не доходило до обычного человека. С. К. Игнатьев в своем письме выразил данную мысль следующим образом: «Одни уже сейчас имеют по потребностям и им не страшны 20 лет, а другие должны терпеть недостатки»⁶¹. Г. Наканов писал, что руководители «утрачивают вкус к борьбе за счастье народа, за коммунизм. Если бы они были такими же простоватыми и наивными, как Галушка из “Калиновой рощи” Корнейчука, то они сказал бы, наверное: “Какой вам еще коммунизм нужен, мы и так уже в коммунизме”»⁶². Значит, те, кто пользуется этими богатствами, своим стремлением к излишкам и роскоши мешают осуществлению Программы партии. И если просто изъять все несправедливо нажитое

имущество и распределить его среди остального населения, согласно логике общины или коммуны, это будет практически коммунизм.

Подобная позиция советских граждан может быть рассмотрена как аналогия действиям жителей Англии XVIII в., описанным в работе Э. Томпсона. Он указывает, что народные восстания, возникающие из-за повышения цен или нехватки продовольствия, протекали в рамках народных представлений о законности или незаконности чего-либо. Общее согласие относительно этих представлений было основано на традиционном понимании социальных норм, а также на представлениях о хозяйственных функциях, долге и особых обязанностях некоторых членов общества. Сумма этих представлений и составляла то, что автор называет «моральной экономией бедноты» (*moral economy of the poor*). Грубые нарушения этих основных моральных понятий вызывали волнения столь же часто, сколь и действительная нужда. И главной целью бунтов было восстановление строгого соблюдения норм этой «моральной экономии»⁶³.

Все, что не устраивало советского человека в его жизни, автоматически не соответствовало коммунистическому идеалу, а значит, мешало его достижению, и в период «развернутого строительства коммунизма» должно быть изжито, причем как можно скорее. Кроме того, резкое неприятие многих людей, чей социальный протест под воздействием проекта Программы партии выражался в апелляции к коммунистическому будущему как идеалу справедливости, вызывало игнорирование частью населения одного из принципов «Кодекса строителя коммунизма»: «кто не работает, тот не ест». При этом под трудом подразумевался физический труд, и поэтому работники умственного труда, особенно бюрократы и руководители, воспринимались как лодыри и нахлебники. Недовольные этим авторы предлагали ввести порядок, при котором каждый руководящий работник должен был отработать один месяц в году в качестве рабочего⁶⁴. Или вообще ввести обязательный труд для всех трудоспособных граждан, в том числе для всех трудоспособных женщин, поскольку крайне нетерпимым считался тот факт, что многие женщины, являясь женами состоятельных людей и имея дипломы об образовании, не работают⁶⁵. Если официальный дискурс выстраивал коммунистические перспективы, исходя из постепенного сближения умственного и физического труда посредством облегчения физического и подъема его до умственного, то народная «коммунистическая справедливость» воспринимала официальный лозунг как руководство к действию и ожидала скорейшего вовлечения всех людей в трудовой процесс. Наиболее радикальное воплощение стремления к борьбе с тунеядцами можно обнаружить в письме К. К. Лавренко, который призывал упразднить такой «рассадник тунеядства», как 3-я группа инвалидности⁶⁶.

В контексте народного стремления привлечь к физическому труду как можно большее количество населения и, в первую очередь, восстановить справедливость, заставив работать тех, кто уклоняется от физического труда, выявляется отдельная тема, одновременно связанная с национальными отношениями в СССР. Некоторые авторы в этом контексте поднимали еврейский вопрос. В. Сыроваткин писал: «Евреи являются в СССР привилегированной нацией, т. к. они занимаются только умственным или легким трудом и не работают в шахтах, у станков, на тракторе и т. д., поэтому дружба с ними невозможна»⁶⁷. Показательно, что в сознании автора евреи выделяются из категории советских граждан, с которыми либо можно дружить, либо нельзя, это подчеркивает инородность

евреев в рамках Советского Союза. Поэтому нет ничего удивительного в том, что дальше В. Сыроваткин предлагает или выселить всех евреев в Израиль, или собрать их в автономной области.

Таким образом, необходимо отметить следующий факт: рассматривать трансляцию идей как однонаправленный процесс значит целенаправленно упрощать ситуацию, поскольку население не было простым приемником реципиентом властных посланий. Материалы «всенародного обсуждения» Программы партии демонстрируют, что население активно трансформирует официальные постулаты. Особенно ясно это видно, когда речь идет о «потребительском» коммунизме — одном из самых устойчивых и распространенных вариантов рецепции коммунизма, против которого был направлен пыл идеологической пропаганды. Но даже когда граждане говорили «по-большевистски», на одном языке с властью, их понимание коммунизма зачастую сильно отличалось от официального, что послужило причиной возникновения множества вариантов рецепции коммунизма в советском обществе. Все это позволяет ставить вопрос о необходимости нового осмысления III Программы КПСС, всего хрущевского десятилетия и истории КПСС в целом.

Примечания

- 1 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 84.
- 2 Там же. Д. 298. Л. 33.
- 3 *Бурлацкий Ф.* Глоток свободы. М., 1997. Кн. 1. С. 101.
- 4 *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М., 1998. С. 13, 16.
- 5 *Пьяжиков А. В.* Оттепель: идеологические новации и проекты (1953–1964). М., 1998. С. 97.
- 6 См.: *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественная настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. С. 345.
- 7 Цит. по: *Пьяжиков А. В.* Указ. соч. С. 100.
- 8 Там же. С. 101.
- 9 Цит. по: *Аксютин Ю. В.* Указ. соч. С. 332.
- 10 См.: Там же. С. 331.
- 11 См.: Там же. С. 333 — 335.
- 12 Там же С. 336 — 339.
- 13 См.: *Грушин Б. А.* Четыре жизни России в зеркале опросов: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Кн. 1. Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 252.
- 14 Цит. по: *Аксютин Ю. В.* Указ. соч. С. 333.
- 15 *Шатров С.* Стоп! Дальше колымага не пойдет! // Крокодил. 1961. № . 24. С. 2.
- 16 См.: *Шаповалова Н. Е.* Коммунистическая перспектива в представлениях крестьян Европейской части России (1921 — 1927 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Армавир, 2001. С. 62, 65.
- 17 См.: Там же. С. 80 — 81.
- 18 *Барг М. А.* Историческое сознание как проблема историографии // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 13.
- 19 Цит. по: *Аксютин Ю. В.* Указ. соч. С. 334.
- 20 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 84.
- 21 Там же. Л. 161.
- 22 РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 75. Л. 4.
- 23 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 310. Л. 257.
- 24 Там же. Д. 302. Л. 10.
- 25 См.: *Вайль П., Генис А.* Указ. соч. С. 16–17.
- 26 Цит. по: *Шаповалова Н. Е.* Указ. соч. С. 75.
- 27 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. С. 2.
- 28 Там же. Д. 298. Л. 24.
- 29 РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 73. Л. 97.

- 30 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 22.
- 31 Там же. Д. 300. Л. 198.
- 32 Там же. Д. 303. Л. 53.
- 33 Там же. Д. 300. Л. 79.
- 34 Там же. Д. 298. Л. 24.
- 35 Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 211. Л. 40.
- 36 Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 300. Л. 32.
- 37 Там же. Л. 73.
- 38 Там же. Л. 3.
- 39 Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 179. Л. 42.
- 40 Там же. Д. 219. Л. 6–7.
- 41 Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 303. Л. 14.
- 42 Цит. по: *Аксютин Ю. В.* Указ. соч. С. 336–337.
- 43 РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 81. Л. 114.
- 44 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 86.
- 45 Там же. Д. 298. Л. 146.
- 46 Там же. Л. 142.
- 47 Цит. по: *Струков Э. В.* Человек коммунистического общества. М., 1961. С. 49–50.
- 48 РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 81. Л. 79.
- 49 *Лиокумович Е. А.* Диссидентская утопия в советском культурном пространстве. Дисс. ... канд. философ. наук. М., 2005. С. 51.
- 50 *Панферов Ф.* Что такое коммунизм // Октябрь. 1960. № 1. С. 106.
- 51 РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 72. С. 23.
- 52 РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 174. Л. 46.
- 53 Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 298. Л. 50.
- 54 РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 74. Л. 62.
- 55 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 298. Л. 36.
- 56 РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 72. Л. 37.
- 57 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 26.
- 58 Там же. Л. 176.
- 59 Там же. Л. 12.
- 60 Там же. Д. 299. Л. 111.
- 61 Там же. Д. 302. Л. 150.
- 62 Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 172. Л. 37.
- 63 См.: *Оболенская С. В.* Философия практики, революция и история // http://www.situation.ru/app/j_art_725.htm
- 64 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 298. Л. 48.
- 65 Там же. Д. 302. Л. 10.
- 66 Там же. Д. 299. Л. 230.
- 67 Там же. Д. 301. Л. 26.

И. А. Арзуманов
Чита

Улан-Баторская община местнорусских в историко-религиоведческом контексте (XX–XXI вв.)

Историко-логический подход выявляет понимание термина «миссия» как свидетельство, пропаганду вероучения, осуществляемые на личностно-субъективном и организационном уровнях. В последнем случае свидетельство осуществляется через соответствующие структуры конфессиональных институтов христианства. Так, в целях «евангелизации населения нехристианских